

* * *

Тёмные эти ночи,
влажные – дождь стрекочет
в листьях высоких лип,
созвучен мне каждый всхлип –
уткнувшись в мамину юбку,
так плачут, долго, уютно,
до сладости горьких слёз,
пока не уйдёт обида
от коленки разбитой,
смешная детская злость.

Сирень выдыхает меццо.
Сирень сегодня невеста.
Она под дождём в цветах
с радостью на устах.
Дождь джигой идёт по скатам,
в лужи ныряют капли,
ветер вольный летит –
зелёные крылья растит.

* * *

Где душит влажный мутный зной,
живут серебряные ландыши,
зелёной чаши дышит дно
мечтой и сладковатым ладаном.

И в маете на сладкий зов
в тревоге чувственной и памятной,
в груди стянувшейся узлом,
придёшь и на колени встанешь.

И спросишь тихие цветы,
откуда им известна тайна,
любовный обморок и стыд,
и позднее твоё раскаянье.

* * *

– Ещё научишься и льстить, и предавать...
Былиночка, всему вокруг внимая,
всё впитывая, о своём вздыхает,
о том, что бабочка лимонная порхает.
От воздуха кружится голова!
И, жгучий пробуждая интерес,
летит пчела. Жужжит тяжёлым басом
печальный шмель, и смотрит жёлтым глазом
ромашка, и шумит зелёный лес.
И ветер означает только весть,
весь летний мир – открытым летним классом,
и пляшут блики солнца на траве.

Но чёрный пень взглянул, как старOVER,
перечеркнув веселье жизни разом.
– Ещё научишься... Себя с июнем сверь,
свою любовь с пылающим экстазом,
и посмотри вперёд, назад и вверх,
и вон туда, и вот сюда, ту фразу
прими в себя уроком... Что теперь?

И гаснут звуки, и бледнеют краски...
И пахнет гнилью. Но волшебный зверь
идёт, мурлыча от тоски и ласки.
И бабочки проснулись в голове,
и, яркие, порхают без опаски.
И хочется от счастья зареветь.

* * *

Вот волшебный мир для фей
и живых единорогов –
зелень мокрая полей,
в гору жёлтая дорога.

Жадно пьёт голодный взгляд
очарованные дали –
где кончается земля,
плещут волны цвета стали.

Я опять жива рекой,
силой водного разлива.
Тени тайны колдовской
отпустили в воду ивы.

* * *

Какие запахи земли!
Как эти запахи манили,
они во сне счастливом снились,
и ткани нежные плели.
Там каждая парила нить,
и каждая, дрожа, дышала,
а ящерка травой шуршала,
и ландыш, обмирая, ник.
И сладко выдыхал и звал,
рождал ответное звучанье,
и распускал любовь, и чарой
души движения сковал.
А там, где облачная сень
живое солнце пропускала,
большая бабочка порхала,
как чья-то выцветшая тень.

* * *

Рукава берёз танцуют,
листья с ветром говорят,
золотые поцелуи
одуванчиков горят.

Изумрудные поляны
пахнут свежую травой,
полог лиственный натянут
у меня над головой.

На шиповнике бутоны.
Хочешь – верь или не верь –
скрыты тернии. Со стоном
тихий запах. Что теперь?

Странный зверь тот житель вечный,
старый добрый дух лесной,
чуждым взглядом не замечен,
по тропе идёт со мной.

* * *

Я проигрываю, не начав игры,
до сдачи фишек и карт.
И мне не хочется это скрыть.
Хоть я и знаю – как.

Молодость мне не соперник в игре.
Силами не равны.
Что этот ей поэтический бред
и талое чувство вины

перед весной в цветенье, дождях,
перед черёмухой? Дрожь –
трепетом нежности. Звёзды глядят
и говорят: не трожь

юность. Пусть гуляет вовсю,
целуется и поёт.
Я ей это потом прощу,
когда – не решила ещё.

Как этот воздух влагою сыт
и сладок! Какая сласть!
И месяц – объединенный круглый сыр.
И хохот из-за угла,

ручей разговора, и вздоха шёлк,
А проигрыш мой не в счёт.
Свежего счастья целый мешок
сердце моё испечёт.

* * *

Опять закрутит, заиграет, понесёт...
Закурит, дым колечками испустит...
Враз просветлев от холода и грусти,
душа травинкой гордой прорастёт.
Как шпага рыцаря отважного остра,
и зелена, как вечная надежда.
Её порыв никто уже не сдержит,
её решимость встала, как гора.
Она прошла сквозь камни и песок,
она сильна, и этот холод снежный,
и ветер, что ножами воздух режет,
ей нынешней решительно смешон.
Её не вырвать и не затоптать,
струною голос звонкий в ней натянут.
Пусть тучи злоба рвёт в клочки когтями.
В ней солнечной травы прямая стать.

* * *

Снег как пух! И не так уж плох
приступ белой зимы!
Только взгляд вдруг совсем оглох,
стал как рыба – немым.

Из-под белых сквозит одежд
изумрудная новь,
это поросль моих надежд
на живую любовь.

Закачаются тополя,
мачты руша свои,
уплывает моя земля
и мои корабли.

Пух летит, голубиный пух!
Как свободно нескор!
В звучит, услаждая слух,
птиц пылающий хор.

* * *

Поверишь и в Бога, и в чёрта,
и в лестницу на небеса,
когда босоногой девчонкой
заблудишься в диких лесах.
Такое реалити-шоу!
И тёмные силы гнетут,
и страшен и шёпот, и шорох,
и судьбы безвестные ждут...
Но выйдешь. И вынесешь душу
ребёнком больным на руках
птиц нежно-серебряных слушать,
усталую – ветром ласкать.
Проста, как стекло, и прозрачна,
вольёшь в себя ласковый май
с невинным его новобрачем
и звоном, сводящим с ума.
И после начнёшь, точно птицы,
на лёгких свистеть языках,
в зелёные кутаясь ситцы,
смотреть на горячий закат.
Легко забывая плохое,
забудешь гнилые леса.
Май вспомнится, зелени холод
и лестница на небеса.